

ИДЕНТИФИКАЦИЯ БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ НА ЮРИДИЧЕСКОЙ КАРТЕ МИРА

А.В. Егоров

*заместитель председателя Постоянной комиссии по законодательству
Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

Вопрос определения места национальной правовой системы на юридической карте мира имеет не только узкопрофессиональный, но и политический характер. Идентификация системы права, равно как и других компонентов, входящих в структуру национального правового организма, способствует росту авторитета самого государства на политической арене. Кроме того, расширение сферы международного трансграничного взаимодействия правовых систем требует от национального правоприменителя наличия соответствующего юридического кругозора, и в частности, знания основных традиций и тенденций развития ведущих правовых культур современности. Трудно сегодня представить судью, не владеющего вопросами применения коллизионных норм и соответствующих норм зарубежного или международного права, к которым отсылает национальное законодательство. И, наконец, идентификация национального права способствует повышению качества законотворческой работы отечественного парламента.

К сожалению, на сегодняшний день отсутствуют комплексные общеправовые исследования, посвященные определению места и роли правовой системы Республики Беларусь на юридической карте мира. Исключение составляют лишь некоторые работы в форме научных статей, часто опубликованные даже не в белорусских правовых изданиях, а в зарубежных журналах [1; 2; 3].

С точки зрения сравнительного правоведения, как науки теоретико-методологического свойства, национальную правовую систему наиболее целесообразно относить к одной из трех правовых семей. Согласно данной концепции белорусскую правовую систему можно отнести к романо-германской семье права. Но данная правовая общность неоднородна и представлена в виде двух групп правовых систем, развивающихся в разных направлениях, хотя и в рамках одной правовой семьи. Речь идет о правовых системах германского (немецкого) и французского типов. Данные системы представляют собой как бы два полюса одной формально-правовой общности, но достаточно сильно разнящихся в характере своих структурных компонентов. Помимо данных разновидностей сегодня выделяются и другие общности в рамках общей романо-германской группы. В частности, речь идет о правовых системах скандинавских стран [4, с. 272], славянской правовой группе [5, с. 201]. Поэтому возникает закономерный вопрос: к какой из всех названных групп принадлежит белорусская правовая система?

Представляется, что научно-обоснованная типология национальной правовой системы должна основываться на наиболее общих критериях распределения всего правового массива по структурным группам. К числу данных критериев необходимо относить не идеологические основания, как это делала советская наука контрастирующего правового сравнения, а технико-юридические условия группирования правовых систем. К таковым основаниям предлагается отнести: структуру права, источники права, нормативную однородность и правовой понятийный фонд.

По общей структуре белорусская система права не отличается от традиционно принятой доктрины деления всего нормативного массива на отрасли публичного и частного права. Отличаемся мы в восприятии внутренней структуры самих групп. На первый взгляд, национальной системе права импонирует немецкий подход строгого деления отраслей на конституционное, гражданское, уголовное право и т. д. Но большое количество так называемых комплексных отраслей позволяет нам говорить о тенденции тяготения структуры белорусского права к скандинавской группе правовых систем. В скандинавских странах кодексы не имеют того систематизирующего отраслевого деления, которое свойственно правовым системам немецкого и французского права. Правда, сегодня можно говорить об этом свойстве национальной структуры белорусского права только как о наметившейся тенденции.

Традиционные источники белорусского права претерпели существенные изменения. В системе национальных форм появились несвойственные для романо-германского права источники. В частности, речь идет об усилении роли судебных решений высших инстанций, что нашло даже законодательное закрепление в Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах». Это свойство также сближает нашу правовую систему со скандинавской правовой группой. В частности, в Швеции уже с 1971 года Верховный суд рассматривает типовые случаи правоприменительного характера, а выносимые данной инстанцией решения обязательны для всех звеньев судебной системы.

Та же закономерность обнаруживается и на уровне определения нормативной однородности белорусского права. Традиционно наша норма не является казуальной, как англосаксонские правила. Но одновременно белорусская норма права не имеет той степени абстракции, которая свойственна, скажем, немецким нормам. Сама система и характер действующего законодательства свидетельствуют о наличии казуальных тенденций в правовом регулировании. Все в большей степени правовые нормы пытаются детализировать каждый из шагов правоприменительной практики. Достаточно сказать, что одно из предложений государственных органов, поступившее в Палату представителей Национального собрания касался включения в Уголовно-процессуальный кодекс отдельной главы о правилах квалификации, что всегда существовало на уровне доктрины.

Также национальную особенность и соответственно близость со скандинавской правовой группой составляет понятийно-категориальный аппарат. Речь идет не о лингвистическом своеобразии языка, который всегда будет уникальным. Мы констатируем наличие общих подходов в оценке социальных явлений посредством профессиональной терминологии. Белорусским и скандинавским юристам свойственен прагматичный подход в оценке правовых категорий и понятий. Правда, скандинавские системы пошли намного дальше романских традиций в восприятии правовых конструкций. Например, в этих странах гражданский и уголовный процессы используют однотипные правила. Видна роль и американской правовой культуры, откуда заимствуются сегодня новые категории и понятия правового характера. Эта же тенденция свойственна и ряду романо-германских общностей, среди которых не является исключением белорусская правовая система.

Библиографический список

1. Kalinin, S A. On information Modeling of the Legal System in Belarus // Sudebnik: A law review of Moscow Higher School of Social and Economic Sciences and of The Vinogradoff Institute, Dickinson School of Law Pennsylvania State University. – 2005. – Vol. 10, Issue 4. – P. 741-746.
2. Egorova, A.G. Foreign and National Law: forms of Normative Interaction // The Integration of Legal Sysnems: Post-Soviet Aproaches. London : Wildy, Simmonds & Hill, Publishers, 2015. – P. 170–182.
3. Егоров, А.В. Типологическая характеристика белорусской правовой системы // Государство и право. – 2012. – № 2. – С. 87 – 93.
4. Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности). – М. : Юристъ, 2009.
5. Синюков, В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. – М. : Норма, 2010.

ЕВРОПЕЙСКАЯ КОМИССИЯ ЗА ДЕМОКРАТИЮ ЧЕРЕЗ ПРАВО (ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ВЕНЕЦИАНСКАЯ КОМИССИЯ): ПОПУЛЯРИЗАТОР РАЗУМНОГО ПРАВЛЕНИЯ ИЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО КОЛОНИАЛИЗМА?

Я. Залесны

*профессор факультета политологии и международных исследований
Варшавского университета,
доктор юридических наук*

Европейская комиссия за демократию через право (англ. European Commission for Democracy through Law, фр. Commission européenne pour la démocratie par le droit), более известная как Венецианская комиссия (англ. Venice Commission, фр. Commission de Venise). Данное название также довольно часто употребляется в официальных документах Европейской